

**ГРОЗНЫЙ ГОД-
1919-й**

•
ГЕОРГИЙ ХОЛОПОВ

•
**ОГНИ
В БУХТЕ**

ГЕОРГИЙ ХОЛОПОВ

ГРОЗНЫЙ ГОД-
1919-й
♦
ОГНИ
В БУХТЕ

ДИЛОГИЯ
О С. М. КИРОВЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ · ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1986

Роман «Грозный год» был мною написан в 1946—1951 годах.

В последние годы вышли и продолжают выходить романы и повести, посвященные событиям первой империалистической и Великой Отечественной войн. Среди них часто встречаются названия в таком роде: «Грозные годы», «Грозный год», «Грозный год». Чтобы не возникло путаницы, к какому времени относится роман о Сергее Мироновиче Кирове, в новом издании я его назвал «Грозный год — 1919-й».

Г. Толстой

ГРОЗНЫЙ ГОД- 1919-й

РОМАН

Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским.

С. М. Киров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Киров и Атарбеков уходили от председателя Реввоенсовета фронта с чувством недовольства. Неприятны были эти бесконечные встречи и заседания! Экспедиция собиралась на Северный Кавказ, на помощь армии — армия была раздета, разута, половина бойцов больна тифом, — и казалось, Реввоенсовет обязан усилить экспедицию артиллерией (ее много в городе), обмундированием, оружием, медикаментами (их тоже достаточно на складах).

Что же получили вместо всего этого? Два тома переписки со штабом 11-й армии... и гору обещаний! Если верить председателю Реввоенсовета фронта Шляпникову, то в ближайшее время 11-й армии будут посланы два пехотных полка, артиллерийский полк, две тысячи винтовок, тысяча лошадей, пятьсот верблюдов, медицинский персонал для трех госпиталей и лазаретов, большое количество снарядов, патронов и продуктов питания. Ну и сам Шляпников поклялся на Военном совете фронта выехать на Северный Кавказ, реорганизовать армию и вообще «повернуть ход войны». Но тут же он поставил под сомнение успех всего этого дела. Начались бурные прения о целесообразности помощи армии в ее нынешнем положении. В этом не было ничего удивительного: из астраханского кремля, этой цитадели Шляпникова, как говорили знающие люди, «кремлевский затворник», или «архиерей», еще ни разу за зиму не выезжал, предпочитая руководить фронтом на расстоянии... шестисот верст.

Киров шел широким, твердым шагом, подняв воротник кожаного пальто, сунув руки в карманы. Атарбеков еле поспевал за ним.

Посреди кремля под звуки духового оркестра маршировали бойцы. Смотр производила щеголеватая группа командиров.

Киров остановился, пропуская марширующую роту; потом они с Атарбековым вышли из кремлевских ворот и, обогнув развалины гостиного двора, сожженного во время прошлогодней вооруженной борьбы за власть Советов, направились вниз по Братской улице.

У Атарбекова вдруг начался приступ кашля. Смотреть на него было больно и мучительно. Киров отвел его в подворотню:

— Лечиться надо, Георг.

— Некогда, Сергей. Сам видишь, какие дела.

— Дела плохие. Это я вижу прекрасно. Но лечиться все равно надо. Революции нужны здоровые бойцы. Железные!

— Железные, конечно, железные, — сквозь кашель ответил Атарбеков. Щеки его покрылись румянцем, слезы закапали на запущенную инеем бороду.

Киров неодобрительно покачал головой:

— Как только попадем в Пятигорск, вопрос о твоём лечении поставлю самым серьезным образом.

Эта угроза словно подействовала на Атарбекова.

— Откашлялся!.. Фу ты, черт! — Вытер слезы, скомкал платок, спрятал в карман кожанки, и они пошли дальше. — Лечиться-то мне, собственно, незачем. Просто бежал за тобой, морозом перехватило дыхание. А в Пятигорск, дорогой мой, мы еще долго не попадем. Там сейчас Деникин. За Пятигорск надо драться.

По улице торопливо шли пешеходы. Лица были хмурые, неприветливые. В толпе можно было увидеть, при оружии, в бекеше, живописного усатого казака откуда-нибудь с низовья Волги или с берегов Кубани. Высокого, стройного туркмена в пудовой папахе и в ярком ватном халате. Пробегающих танцующей походкой, в легком летнем одеянии горцев — дагестанцев, черкесов, осетин. Укутанных башлыками, скрюченных морозом армян, азербайджанцев, грузин — беженцев с Кавказа. Обвязанных чем попало, с накинутыми на плечи платками и одеялами персов и татар. Калмычек с бронзовыми, обветренными лицами, с грудными детьми за спиной. Хоровод полураздетых цыганок и цыганят.

Иногда навстречу попадались горластые, наглые, с пропойными лицами торговки с Татарского базара — с жареной рыбой, с жареной икрой, с вареным водяным орехом-

чилимом. Зазывали покупателей китайцы и китайки — продавцы хлопушек и бумажных фонарей.

Повернули на Эспланадную, а с нее — на Индийскую. Когда-то это была шумная, многолюдная улица с магазинами и домами купцов-индусов, занимавшихся торговлей шелком и ростовщицеством.

Сейчас улица была тихой и безлюдной.

— Как чекист, — спросил Киров, — что ты думаешь обо всем этом?

— Конечно, всего я не могу знать, — ответил Атарбеков. — О многом пока что можно только строить догадки. Насколько они верны, увидим в ближайшем будущем. Но одно отчетливо вижу уже сейчас: демагогию «архиерея», его пышные фразы, обещания и клятвы, за которыми кроется определенная тактика.

— Обещать и ничего не делать? Потопить живую работу в заседательской суете?

— Тактика, должен прямо сказать, несколько отличная от тактики его шефа — Троцкого... Там, в Москве, в Наркомвоенморе, нас принимали холодно, если не сказать — враждебно. Здесь же с нами готовы сколько угодно совещаться, заседать, сулить золотые горы и молочные реки, а помогать тоже не хотят... Но в Москве — Ленин. Так называемая «тактика шефа» там провалилась. Здесь тяжелее, Мироныч.

— В сущности, различия-то нет, — проговорил Киров. — И Шляпников гнет туда же. А его тактика — лишь разновидность «тактики шефа»... Анализируя события прошлого года, о многом стоит поразмыслить. Случайны ли события в Бресте? Отказ подписать мир с немцами? Вопреки решению ЦК партии!.. Экое соломоново решение: ни войны, ни мира! В итоге — война!.. Потеряли Украину, потеряли Черноморский флот. Пришлось топить корабли, которые нам так теперь нужны! Случайны ли ко всему и пермские события? Ты об этом не задумывался? А в свете всех этих событий — трагедия Кавказской армии?!

Они вышли на набережную Кутума. Берег весь бугрился от занесенных снегом бударок и моторных лодок. Прошли мост, повернули в сторону общежития политотдела фронта, в штаб-квартиру «кавказской экспедиции». Общежитие помещалось на углу Казанской и Набережной, в доме купца Вехова.

По скрипучим деревянным лестницам поднялись на второй этаж. Зашли в комнату экспедиции — огромную, без мебели, но всю заваленную мешками и чемоданами. Здесь жили все сорок два участника «кавказской экспедиции». Большие и малые партийные и хозяйственные работники, военные, мотористы, красноармейцы из охраны эшелона — все были на равном положении, ели из одного котла, спали на полу.

В углу комнаты стояла большая, неуклюжая печь. У раскрытых дверей, освещенные пламенем, в накинутых на плечи шинелях, на циновке из чакана сидели Оскар Лещинский и совсем юный красноармеец. Судя по обрывкам фраз, которые долетали до Кирова и Атарбекова, раздевавшихся у вешалки, речь шла о фронтовых делах. Беседа, видимо, была настолько интересна, что они не заметили пришедших.

— Ну, а керенки еще ходят там? — спрашивал Лещинский.

— Да уже нет, товарищ Лещинский, — отвечал красноармеец. — Как-то нам привезли их несколько пудов. Захватили на какой-то станции. Ну, пошел я на базар. За патронами. Расплачиваюсь керенками, такими вот аршинными листами!.. Чеченец взял деньги, пощупал их, посмотрел на свет и говорит: «Красивый деньга, хороший бумага, и парень ты хороший, но только эта деньга я не возьму и патронов не дам». — «Почему?» — спрашиваю. — «Эта деньга очень красивый, и бумага новый, один плохо — хозяина его нет дома!»

Киров рассмеялся, сказал:

— Ай да молодец чеченец!

Лещинский обернулся и тут же проворно вскочил на ноги.

— Наконец-то явились!.. Где вы так долго пропадали?.. Как дела?..

— Дела как сажа бела... — сквозь зубы процедил Атарбеков и сорвал с плеча башлык.

Киров повесил пальто, сунул в карман рукавицы. Потерявшие руки, подошел к Лещинскому.

— Дела из рук вон плохи. Ничего реального. Одни обещания.

Юный красноармеец, сидевший у жарко топящейся печки, сгреб с циновки свою шинель, привстал...

Синие, очень синие большие глаза Лещинского смотрели на Кирова недоверчиво, и густые его брови были сведены у переносицы.

— И ничего, ничего реального?..

— Абсолютно.

— Да, дела здесь удивительные... О них вам еще придется послушать...

— Послушаем, послушаем!— сказал Киров, с каким-то озорством и с нескрываемым удивлением посмотрев на юного красноармейца, покрасневшегося от жары, подошел к нему...

— Никак... Вася-Василек?

— Да, товарищ Киров, Вася Корнеев... Узнали!— От смущения он старательно одергивал гимнастерку.

Поздоровавшись, Киров спросил у юноши, какими судьбами он оказался в Астрахани.

— Это целая история, товарищ Киров...— Смущение не покидало юношу.

Киров повел его к окну, усадил на подоконник, сам сел на подвернувшийся под руку фанерный сундучок.

— Сын кузнеца Панкрата из Грозного. Герой! Служит в бригаде Кочубея,— представил он Василия Лещинскому и Атарбекову. С любопытством разглядывая раздавшегося в плечах, возмужавшего и лицом Васю-Василька, он спросил:— Давно из армии?.. Как удалось пробраться через степь?..

— Из армии я давно,— опустил глаза, стал рассказывать Корнеев.— Почти целый месяц. До Астрахани, правда, добирался, как шах персидский. Кочубей для такого дела и верблюда не пожалел. А здесь — застрял. Попал в дурацкую историю.

Киров вытащил папиросу, задумчиво помял ее в пальцах. По всему было видно, что он приготовился слушать неприятные вести.

— Зачем ехал?.. Что это за «дурацкая история»?..

Василий с тоской посмотрел на Кирова и снова опустил глаза.

— Воюем мы в трудных условиях, Сергей Миронович, хотя и деремся неплохо... У кадета больше сил. Да и патронов, снарядов у него хватает, не то что у нас. Стрелять порой нечем... Наши части все дальше и дальше отступают с Кавказа...

— Отступают?— Киров закурил.

— Отступают... Помощи нам ждать неоткуда, Астрахань же — далеко. Вот Кочубей и написал письмо в Москву. Приказал мне отыскать вас там и просить с этим письмом пойти к Ленину, рассказать ему о положении Кавказской армии.— Он вздохнул, но глаз не поднял.—

Ну, сняли меня с батареи. Пустился я в дорогу. Приехал в Астрахань. Первым делом, конечно, зашел к нашим интендантам. Стал просить снарядов для бригады. Не дали... Потом тут каким-то образом узнали, что я собираюсь в Москву, и на станции арестовали.

Киров переглянулся с Атарбековым. Чудеса!

— В тюрьме все пытались узнать у меня: зачем это я еду в Москву, что везу с собой? Когда же я сказал про письмо Кочубея — потребовали показать!.. Я, конечно, показал им фигу... Ну, тогда меня обыскали и письмо отобрали... Потом, правда, вернули... Просидел я с месяц на хлебе и воде, а вот сегодня выпустили. Начальничек их сказал, чтобы я убирался ко всем чертям из Астрахани и больше не попадался ему на глаза. В Москву, конечно, запретил мне ехать... Вышел из тюрьмы и не знаю, куда идти... Тогда один военный посоветовал мне пойти в губком, к товарищу Федоровой; женщина, говорит, она толковая... Ну, я пошел... А Федорова выслушала меня и обрадовала: оказывается, вот вы сами в Астрахани...

Корнеев вытащил из внутреннего кармана гимнастерки письмо Кочубея, протянул Сергею Мироновичу.

Киров с любопытством смотрел на Васю-Василька. Как он возмужал, как вытянулся! Теперь, пожалуй, неудобно его называть Васей-Васильком. Это уж не тот вихрастый мальчуган, каким он его увидел впервые лет шесть назад в редакции «Терека» во Владикавказе, куда Вася приехал из Грозного с поручением подпольного партийного комитета... В первую же поездку в Грозный Киров побывал у Васи, познакомился с его отцом, и с тех пор дом кузнеца Панкрата на окраине города, окруженный фруктовым садом, стал надежным местом для явок и хранения революционной литературы.

Лещинский, поставив чайник на огонь, тоже подошел к окну. Сергей Миронович вслух читал письмо Кочубея. Оно было на шести страницах.

Суровую правду рассказывал Кочубей. Армия в непрерывных боях. Армия голодает. Армия воюет без боеприпасов. Начался повальный тиф. Нет медикаментов. Нет врачей.

Были все основания полагать, что Деникин думает окружить армию или прижать ее к берегу Каспия, а это означает гибель десятков тысяч бойцов и многих тысяч беженцев, бредущих и едущих в обозе.

Многое из того, о чем писал Кочубей, Киров знал. Осенью прошлого года он и поехал в Москву добиваться

помощи 11-й армии. И добился. Как ни тормозили создание экспедиции военспецы Троцкого и сам Троцкий, ее все же организовали. Требования армии были удовлетворены немедленно. Экспедиция прибыла неделю тому назад в Астрахань и здесь застряла по милости Реввоенсовета фронта, который руководил боевыми операциями 11-й армии, находясь от нее... по другую сторону калмыцкой степи.

Письмо Кочубея тяжело было читать.

— Ты писал?— спросил Киров.

— Диктовал Кочубей, помогал ему комиссар Кандыбин — болеет он у нас!— писал я...

— Значит, писали вместе?

— Вроде как бы и вместе...

— Почему Кочубей сам не пишет? Что, ранили Кочубея?— спросил Атарбеков.

— Так он же неграмотный, не знает ни одной буквы!— нараспев ответил Корнеев.

Атарбеков рассмеялся:

— Неграмотный казак, а бьет генералов, которые кончали академии!

Киров вложил письмо в конверт.

— А как ты думаешь, Василий: куда девается все то вооружение и обмундирование, которое Москва посылает на Северный Кавказ? У меня по письму создалось такое впечатление, что вы там воюете почти голыми руками.

— Из десяти тысяч пар белья, что выделили для нас недавно, мы ничего не получили. Говорят, не то застряло в Астрахани по милости фронтового начальства, не то растащили со складов. А то бывает еще так. Отправят нам из Астрахани оружие и обмундирование на быках и верблюдах. До армии далеко. Едут возчики месяца два по барханам, а попадают на Ставропольщину — начинают торговать. Покупателей там много. Казачье зажиточное, да и всяких белогвардейцев хватает.

— Ну, вот ты артиллерист. Откуда достаешь снаряды?

— А я, Сергей Миронович, уж давно не стрелял из своей пушечки. Снарядов нема! Служу командиром взвода, рубаю шашкой, стреляю из винтовки. И винтовка у меня ни то ни се... Берданочка! Купил на свои гроши. Стреляет она так: заряжаю патрон — она бьет, и пуля вылетает обычным порядком. Второй заряжаю — патрон застревает, приходится вытаскивать шомполом. Третий заря-

жаю — берданочка моя бьет назад; на третьем выстреле я уже держу ее подальше от себя.

Киров улыбнулся. Василий расхрабрился:

— И патроны на свои деньги покупаю, Сергей Миронович. Приедешь на базар, скажем, в Грозный. Чеченец продает муку, сахар и тут же в мешочке — патроны. За один патрон просит десять рублей, и только николаевскими. Начинаешь торговаться, уступает за пятерку. Если есть золото — серьги, кольца, кресты, тогда на золотник дает пять патронов.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Лещинский.

В комнату вошла Анастасия Павловна Федорова, председатель губкома партии. Это была женщина лет тридцати шести, с мягкими и мелкими чертами лица, широкая в плечах, энергичная в походке. Вслед за нею перешагнули порог двое — Николай Мусенко, председатель партийной ячейки завода Митрофанова, и Петр Нефедов, командир отряда этого же завода. Оба они были в полушубках, какие носят возчики в калмыцкой степи, в валенках, Мусенко — в солдатской папахе, Нефедов — в сдвинутом на затылок треухе.

У вошедших были хмурые, озабоченные лица.

— Тут такое дело, Сергей Миронович, — развязывая пышную оренбургскую шаль, сказала Федорова. — Дней десять тому назад от товарища Орджоникидзе в Реввоенсовете фронта была получена радиogramма на имя Ленина. Ее передали в Москву, но здесь, в Астрахани, скрыли от всех. Даже от меня! Вы о ней ничего не знаете?

— Нет, ничего.

— Так вот она. — Федорова протянула копию радиogramмы.

Сергей Миронович подошел к окну, пробежал радиogramму. Потом прочел ее вслух. Серго Орджоникидзе сообщал Ленину:

«11-й армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станции почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертиством. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патронов, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич, сообщая Вам об этом, будьте увере-

ны, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством...»

— Обстановка и в армии, и в самой Астрахани оказывается более серьезной, чем я предполагал,— задумчиво проговорил Киров.— Если телеграмму скрыли от губкома партии и от нас, членов «кавказской экспедиции», это выглядит уже как предательство. Иначе и не назовешь!

— А эти десять дней, что мы без всякой пользы торчим здесь по милости «архиерея»? А эти бесконечные заседания и совещания, которые устраиваются в Реввоенсовете вместо конкретной помощи экспедиции, а значит, и армии? Что это такое?— горячо спросил Атарбеков.

— Наши планы несколько меняются, Анастасия Павловна. Мы больше не можем ждать «помощи» Реввоенсовета. Завтра на партийной конференции мы скажем свое слово об астраханских делах, а там — двинемся в дорогу. Наше место на фронте. Надо попытаться остановить армию, по мере наших возможностей вооружить и снова занять оставленные позиции. Оскар!— Киров обернулся к Лещинскому.— Тебе надо пойти на завод, подготовить грузовики в дорогу.

Лещинский снял чайник с огня, взял шинель.

Киров протянул ему свои рукавицы.

Оделся и Атарбеков. Поверх кожанки к поясу он прицепил маузер в деревянном футляре.

— Тебе, Георг,— транспортировка вооружения и боеприпасов. Отправку мотоциклов я беру на себя,— Киров вопросительно посмотрел на Мусенко,— хотя не знаю, переоборудованы они или нет.

— Можете не сомневаться, товарищ Киров. Все сделано как положено. Пулеметы установлены на всех колясках.— Мусенко, точно саблей, рассек воздух.— Так что белую сволочь можно косить всюю!

— Кого поблагодарить?

— Никого — или всех рабочих завода!— ответил Нефедов.

— Но в первую очередь — Мусенко и самого Нефедова,— вмешалась Анастасия Федорова.— Они сутками не выходили из цеха.

— Мы люди молодые,— запротестовал Мусенко,— стоило бы в первую очередь поблагодарить Афонина, Петра Степановича. Старик — умелый механик, был душой этого дела!.. Чем вам еще помочь, товарищ Киров?

— Закрывать завод, всех поставить под ружье и идти бить Деникина. Вот это была бы помощь!— Нефедов взял

Кирова за руку.— Наш рабочий отряд готов хоть сейчас к походу. Возьмите нас с вашей экспедицией, товарищ Киров, а?

— Нет, на это мы не пойдем. Фронту нужен крепкий тыл. К тому же вашему отряду найдется много дела в самой Астрахани.

Атарбеков и Лещинский попросились и торопливо вышли из комнаты. Вслед за ними, схватив свою шинель, выбежал Василий Корнеев: отныне он знал, что его судьба связана с «кавказской экспедицией».

— Вы бывали, Сергей Миронович, в калмыцкой степи?— спросила Анастасия Федорова.

— Раз пришлось. Прошлым летом. С первой экспедицией.

— А зимою?

— Нет, не приходилось.

— Я все время думаю о вашей поездке. Степь зимою труднопроходима. И в особенности на автомобилях. Чем же вам помочь?

Киров надел кожаное пальто, взял кожаный картуз.

— А вы, Анастасия Павловна, о нас особенно не беспокойтесь. Как-нибудь проберемся. Меня больше беспокоит другое... Астрахань в любую минуту может стать фронтовым городом. Тогда перед астраханскими коммунистами будут стоять еще более сложные задачи. Кое о чем, по моему, стоит подумать уже сейчас, решить завтра на партийной конференции.— Киров направился к двери.— Надо быть готовыми ко всяким неожиданностям. Северо-Кавказская армия в любую минуту может отступить на Астрахань...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Анастасия Федорова, председательствовавшая на общегородской партийной конференции, то и дело звонила в колокольчик, просила ораторов не повторяться, придерживаться регламента. Но выступавших нельзя было останавливать никакими звонками. Каждому хотелось высказаться о наблевшем.

Очень резко говорил Аристов, начальник штаба Коммунистических отрядов Астрахани. Этот черноволосый, со жгучими цыганскими глазами казак со странным именем Мина Львович, одетый в бекешу, с кинжалом на тонком

кавказском пояске, был овеян славой легендарного героя. Особенно он проявил себя в январе прошлого года, возглавив разгром белогвардейского мятежа в городе.

Некоторые, правда, относились к Аристову и с плохо скрываемой неприязнью, и с предубеждением, а порою с худой завистью. Ангелом, конечно, он не был. Недостатков у него хватало. Человек он был издерганный не легкой боевой жизнью, какая выпала на его долю в Астрахани, где он в трудное время утверждал и защищал вместе с другими старыми коммунистами-подпольщиками Советскую власть.

Не менее резкой была речь губернского военного комиссара Чугунова, бывшего форпостинского бондаря. Он тоже говорил о недостатках партийного руководства, о беспотолковщине в работе Реввоенсовета фронта. Оратор он был совсем не выдающийся, говорил глуховатым голосом, часто покашливая и делая большие паузы. Но впечатление от его выступления все равно было сильное. К Чугунову тоже относились по-разному. Как и Аристову, любили по-критиковать за партизанщину. Но партизанщина была характерной чертой в работе многих астраханских руководителей. Обусловлена она была не их злой волей, а специфической жизни оторванного от центра волжского города, их самостоятельностью.

Федорова хотя частенько и звонила в колокольчик, но особенно не настаивала на регламенте. Больше она это делала «для порядка». Она была рада, что на этой ответственной и, в сущности, чрезвычайной партконференции, созванной по инициативе Кирова, коммунисты так смело, горячо говорят и так близко принимают к сердцу события в городе. «Главное — убрать из Астрахани «архиерея» и его сторонников, остальное проще и легче», — думала она, переглядываясь с Кировым, и видела, что он тоже доволен выступлениями коммунистов.

О многом думала Федорова, сидя рядом с Кировым за столом президиума, зябко кутаясь в шаль. Лицо у нее было бледное и строгое, глаза — усталые и воспаленные от бессонницы.

Перед Кировым лежал раскрытый блокнот и несколько остро отточенных карандашей. «Любит порядок», — подумала Федорова, глядя на карандаши. В накинутом на плечи пальто, низко склонившись над столом и широко расставив локти, Киров делал короткие, размашистые записи в блокноте, на отдельных вырванных листках записывал такие же короткие тезисы своего выступления.

Иногда Федорова отрывалась от своих мыслей и смотрела в зал. Все сидели в пальто и шапках: в зале было холодно, не топлено. Сквозь облако табачного дыма она различала лица делегатов; всматривалась в них, стараясь угадать настроение и мысли каждого. У одних лица были радостные и счастливые — они, видимо, во всем были согласны с ораторами; у других — настороженные, эти еще не понимали всего происходящего на конференции; третьи смотрели враждебно, исподлобья, озираясь по сторонам, — это те, кого критиковали или кто ждал критики.

Федорова думала о том, что это первая настоящая партийная конференция в истории астраханской организации. Такие речи не часто слышали стены этого зала. Не она ли сегодня задала тон конференции своим докладом? Видимо, да, это сыграло свою роль. Но была и другая, более важная причина: присутствие на конференции членов «кавказской экспедиции», серьезность момента, чувство ответственности коммунистов за судьбу города и края. Да, такой конференции до этого не было и не могло быть. Организация была молодая, еще слабая.

Много недостатков было в работе губкома, это она знала и ждала критики. Из шести членов губкома только она являлась освобожденным работником, остальные были заняты на ответственных постах в губисполкоме и в различных комиссариатах, в губкоме появлялись редко, и то по вызову. В губкоме, в сущности, был только председатель — она, Федорова, если не считать секретаря-машинистки и курьера-уборщицы тети Сани, старухи шестидесяти лет.

Одной Федоровой было трудно вникнуть во все вопросы партийной жизни губернской организации. Губерния была огромная, равная по своей территории Франции! Конечно, губкому большую помощь могли бы оказать Реввоенсовет и политотдел фронта, но они работали изолированно, без разрешения и советов с нею перебрасывали с работы на работу коммунистов, мобилизовывали и отправляли их на фронт или за пределы губернии.

«Да, главное зло — они, остальное проще и легче», — думала Федорова, в который раз возвращаясь к этой мысли, и все глядела налево от себя, где за столом президиума сидел наглый, улыбающийся Шляпников.

«Мы должны изгнать из Астрахани эту компанию», — сказал ей вчера Киров, и Федорова жила этой надеждой, всю ночь не спала, пробовала читать, курить, штопать но-

сочки сыну — и ничего не могла делать: так было сильно волнение в ожидании конференции.

Слушая выступавших в прениях, она радовалась. Ораторы высказывались по существу, толково и бурно. Чувствовалось, что все с нетерпением ждали выступления членов «кавказской экспедиции».

Некоторые делегаты уже слышали о Кирове, некоторые знали его еще по прошлогоднему кратковременному пребыванию в Астрахани, когда Киров с эшелоном оружия пробирался из Царицына на Северный Кавказ, на помощь нашим армиям.

Федорова знала Кирова всего десять дней. Он пришел в губком партии в день приезда в Астрахань, прямо с вокзала, после разгрузки эшелона «кавказской экспедиции». У Кирова, помнится Федоровой, даже руки были в машинном масле, и тетя Саня принесла горячей воды. Помывшись, он приступил к деловой беседе. Его интересовала обстановка в городе, соотношение сил. Особенно внимательно Киров вникал в работу губкома. Его волновало положение в Реввоенсовете фронта, интересовала работа советских учреждений, судоремонтных мастерских, областного рыбного управления, газеты «Коммунист» и даже... пекарен. (Сколько выдают хлеба на день? Какой выпекают хлеб? Когда открываются пекарни? Успевают ли рабочие еще до работы получать хлеб?) Лишь в конце беседы, затянувшейся до позднего вечера, Киров спросил о погоде. (Другие обычно начинали с погоды.) Да и погода — морозы и снегопады — заинтересовала его неспроста. Удастся ли на машинах проехать калмыцкую степь? Не застрянет ли экспедиция в пути?..

Выйдя на трибуну, Киров сказал, что он не собирается делать второго доклада или содоклада, а хочет, как и другие делегаты, высказать свои замечания о положении в Астрахани.

Киров рассказал о пермской катастрофе, о сдаче Перми белым и предупредил общегородскую конференцию, что такая же катастрофа может произойти и в Астрахани, если каждый коммунист и вся Астраханская партийная организация в целом не сделают нужных выводов и не изменят существующую практику руководства партийной, военной и хозяйственной жизнью города и края.

Слабостью партийного руководства Киров объяснял бездеятельность советских и хозяйственных учреждений